

О. В. Четверикова

ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

*Работа представлена кафедрой русского языка и методики его преподавания
Армавирского государственного педагогического университета.*

Цель статьи – показать, посредством каких модельно-ключевых образований творческой языковой личностью могут интерпретироваться и вербализоваться в поэтическом тексте национальные базовые концепты. В статье рассматриваются метафорические структуры (гештальты), репрезентирующие в лирике М. Цветаевой концепт «жизнь» и позволяющие выявить особенности образного представления данного концепта автором речи, ценностные ориентации говорящего.

Ключевые слова: культура, концепт, автор, поэтический текст, образно-метафорические структуры, авторский смысл.

O. Chetverikova

FIGURATIVE AND METAPHORICAL STRUCTURES OF THE CONCEPT “LIFE” IN M. TSVETAYEVA’S POETIC TEXTS

The purpose of the article is to show what key-model structures a creative speaker may use to interpret and represent the basic national concepts in poetic text. The article contains the metaphorical structures (samples) representing the concept “life” in the lyric poetry of M. Tsvetayeva and making it possible to show the peculiarities of the concept’s figurative representation by the speaker and her value orientations.

Key words: culture, concept, author, poetic text, figurative and metaphorical structures, author’s sense.

А. Вежбицкая определяет словарный состав языка как ключ к этносоциологии и психологии культуры, подчеркивая, что ключевые для определенной культуры слова вбирают в себя и аккумулируют ее ядерные ценности [1, с. 3].

Произведения речетворчества, «обитая в культуре», структурируются автором по принятым в этой культуре требованиям (речь идет о культурно закрепленных конвенциональных, традиционных образах, символах, сюжетах, темах, мифах и т. п.), которые применимы и к языковому оформлению произведений. Однако коллективное знание осваивается каждым индивидуально, и именно способ познания, освоения и интерпретации субъектом речи окружающего мира обуславливает уникальный выбор языковых средств репрезентации в тексте результатов этого познания. При этом значения единиц языка можно рассматривать как сред-

ство осуществления доступа к информационной базе личности, т. е. как когнитивные структуры. Сами же словесные знаки одновременно выступают и как компоненты этих структур, и как средства актуализации смыслов говорящего, и как средства маркирования в тексте зон эмотивного напряжения, помогая читателю/слушателю в интерпретации произведения.

Рассматривая лирику М. Цветаевой в аспекте языковой объективации авторского мировосприятия, информативно-смысловых и эмотивных структур сознания творческой языковой личности, мы получаем возможность узнать, какие концепты были приоритетны для автора и каковы особенности личностного освоения этих концептов, а также понять систему ценностных установок говорящего, безусловно, «вписанных» не только в его собственную картину мира, в его время, но и в картину мира

нации, ибо «каждое художественное произведение национального писателя или поэта несет на себе отпечаток историко-культурных традиций этнопоэтики родного народа» [2, с. 119]. Речь идет о культурных доминантах, представляющих собой наиболее существенные для данной культуры смыслы, совокупность которых и образует определенный ее тип, поддерживаемый и сохраняемый в языке, а следовательно, в сознании [3, с. 5]. Концепт и есть первичное культурное образование, транслируемое в различные области жизнедеятельности человека. Культурные доминанты являются закрепленными, стабильными элементами сознания и направляют интерпретацию тех или иных фрагментов действительности. Язык же дает возможность понять, каким образом происходит само познание индивидом действительности, на основе каких модельно-ключевых образований могут интерпретироваться творческой личностью базовые концепты.

Статья посвящена исследованию образно-метафорических структур, посредством которых в лирике М. Цветаевой интерпретируется концепт «жизнь», занимающий важное место в ряду ценностных понятий носителей русского языка. Отметим, что у каждого автора разные ассоциации сугубо индивидуальны, ибо по природе своей психофизиологичны и являются отражением жизненного опыта человека. Образная метафора создает у имени дополнительные устойчивые коннотации. Благодаря метафоризации труднодостижимая абстракция становится понятной через свое воплощение в чувственном образе, в «вещных коннотациях», регулярное использование которых позволяет говорить о концепте как о целостной совокупности образов («гештальтов»). Они ассоциируются с именем некой абстрактной сущности и составляют импликатуры его атрибутивно-предикативной сочетаемости [11, с. 83]. Эти вещные коннотации отражают менталитет нации. Исследовать специфику интерпретации концептов в поэтической речи возможно на основе анализа образной компоненты концепта по типу «вспомогательного субъекта» [4, с. 397].

Используя данные различных словарей, мы реконструировали инвариантное значение (содержательное ядро) рассматриваемого концепта как фрагмента русской концептосферы и установили индивидуально-авторские особенности его образного представления, позволяющие понять философию жизни и бытия М. Цветаевой, выстраданную и осмысленную поэтом, получить представление о специфике цветаевского мировосприятия.

Анализ лексического значения слово *жизнь* — необходимое условие описания одноименного концепта, так как «значение имени концепта своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, хотя это всегда лишь часть смыслового содержания концепта» [6, с. 367]. Словарные дефиниции имени *жизнь* фиксируют представление о жизни, во-первых, как об особой форме движения материи; во-вторых, как о физиологическом состоянии человека, животного, растения от зарождения до смерти; в-третьих, как о полноте проявления физических и духовных сил; в-четвертых, как о периоде существования кого-либо где-либо; в-пятых, как об образе существования кого-либо; в-шестых, как о деятельности общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах; в-седьмых, как об окружающей нас реальной действительности; бытии; в-восьмых, как об оживлении, возбуждении, вызываемом деятельностью живых существ. Дефиниционные семы позволяют выделить данное явление из класса ему подобных и образуют *понятийную составляющую концепта*. Минимальное содержательное ядро (инвариант) концепта «жизнь» выглядит следующим образом: *физиологическое состояние всего живого от зарождения до смерти и полнота проявления физических и духовных сил*. Соименами концепта «жизнь» являются синонимы *бытие, существование*. Переформулировка дефиниционных сем или логические следствия из них ведут к объективации имплицативных семантических признаков имени *жизнь*: ограниченный промежуток времени (*миг, дар, сон, череда дней*); предопределение (*судьба, судьбина, рок, жребий, удел*); заботы, невзгоды, готовность

идти на жертвы, ценностность, взаимоотношения в социуме, старение (*годы, череда лет*) и т. п. Энциклопедические семантические признаки концепта «жизнь» — это уникальность, динамизм, развитие, стрессовость, продолжение и т. д.

Жизнь — это процесс, поэтому очевидна связь существительного *жизнь* и глагола *жить*, что устанавливается с помощью этимологического словаря. Учитывая, что полевая модель структуры концепта подобна полевой модели значения слова, ядром концепта будем считать прямое значение слова, т. е. первый лексико-семантический вариант (ЛСВ1). Остальные семь ЛСВ лексемы *жизнь* по характеру семантических отношений с ядром будем считать околядерными и относящимися к зоне ближней или дальней периферии. Важно при этом учитывать синонимические, антонимические элементы, связанные с каждым ЛСВ, а также перифразы, косвенные описания.

Спектр ассоциативно-образных парадигм, соотносящихся у М. Цветаевой с концептом «жизнь», характеризуется национально-культурной обусловленностью. Жизнь в ее текстах является носителем разнообразных признаков материальных объектов: к примеру, она выступает носителем знаковых признаков разнообразных артефактов (**артефактная модель, реиморфная метафора**), в частности, концепт «жизнь» интерпретируется как: а) книга (слово): *...Вся жизнь как книга для меня; Звенят поют, забвению мешая, / В моей душе слова: «пятнадцать лет»...*; б) дом: *Дом — пережиток, дом — магнат, / Скрывающийся между лип. / Девический дагерротип / Души моей.* Эти метафоры характеризуются положительной коннотацией и раскрывают отношение к жизни юной Цветаевой. В более поздний период творчества появляются вещные метафоры иного свойства: жизнь — это а) копейка (то, что имеет малую цену): *Жизнь выпала копейкой ржавою*; б) рынок, барак, где все — суэта, где нельзя жить. Маркерами такой ипостаси жизни у Цветаевой выступают номинативные доминанты с отрицательной коннотацией: *рынок, барак, сброд, табор, жир, грязь: Гора горевала о том, что врозь нам / Вниз, по такой грязи — / В жизнь,*

про которую знаем все мы: / Сброд — рынок — барак; Ев — рейский квартал; ...табор / Жизнь... рева рыночный; в) вокзал; репрезентанты — номинации *пригород, вокзал, поезд, рельсы: Жизнь есть пригород; Жизнь — рельсы! Не плачь! / Полотна — полотна — полотна...; Жизнь — это место, где жить нельзя*; г) каторга, которую приходится «избывать»: *Существования котловиною / Задавленная, в столбняке глушизн, / Погребенная заживо под лавиною / Дней — как каторгу избываю жизнь.* Авторский смысл — жизнь есть обман, иллюзии — маркирован через образ театра: *Мир — это стены. / Выход — топор. / (Мир — это сцена), / Лепечет актер) / И не слукавил, / Шут колченогий.*

В текстах Цветаевой жизнь способна репрезентировать некоторые черты антропологических реалий (**антропологическая модель**). Образные репрезентации жизни у Цветаевой негативны и являются элементами когнитивно-аффективного плана. Нередко жизнь наделяется в сознании говорящего такими чертами, которые свойственны человеку. Жизнь может не хотеть жить, может лгать: *От участковых, от касто- / вых — уставшая (заметь!) / Жизнь не хочет жить...; сброд кривизн; Неподражаемо лжет жизнь.*

Жизнь у Цветаевой идентифицируется и с физиологическими константами (**физиоморфная модель, «патологическая метафора»**), в частности, с душевными ранами, болью, удушьем, вредом: *Жизнь, ты часто рифмуешься с жиром, / Жизнь: держи его! жизнь: нажим; Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая; ...Жизнь, т. е. живая боль; Жизнь: двоедушие / Дружб и удушье уродств; Век мой — яд мой, век мой — вред мой...*

Жизнь у Цветаевой когнитивируется и как жидкость, прежде всего — кровь (**гидроморфная модель**): *Вскрыли жилы: неостановимо, / Невосстановимо хлещет жизнь; В сиром мореке в две жилы / Истекает жизнь.*

Для М. Цветаевой, как и для русского сознания вообще, важным когнитивным классификатором жизни выступает такой признак, как «корреляция жизни с природными реалиями» (**натуроморфная модель, биоморфная метафора**). Такими реалиями в ее текстах часто

выступают сад, деревья, ночь, небо, заря, море. Например, сад — это всегда возделанная, окультуренная и одомашненная природа. Желание жить в гармонии с собой и миром, уподобление своей души саду основывается в сознании Цветаевой на таких понятиях, как красота, искренность, труд, отсутствие испепеляющих душу мучений: *Без ни-ушка/ Мне сад пошли:/ Без ни-душка!/ Без ни-души!/ Скажи: — Довольно муки, — ná / Сад одинокий, как сама.* Но эта гармония часто нарушается извне или же самим человеком, что всегда ведет к страданиям человеческого сердца: *В мыслях об ином, инаком,/ И ненайденном, как клад,/ Шаг за шагом, мак за маком — / Обезглавила весь сад.*

Для Цветаевой жизнь — это тайна (*Знаю всю глухонемую тайну,/ Что на темном, на косноязычном/ Языке людском зовется — Жизнь*), но в подавляющем большинстве случаев концепт жизни интерпретируется ею как нечто брэнное, обрекающее на лишения и невзгоды. Истинная жизнь — свет, что-то *третье*, что над жизнью и смертью, а потому — *Из всего того один лишь свет тот/ Наш был, как мы сами только ответ/ Нас, — взамен всего сего — весь тот свет!* («Новогоднее», 1927). Цветаева актуализирует в текстах два важных момента: нежелание жить в бездушном мире и неверие в смерть как бесследное исчезновение навсегда.

Таким образом, у Цветаевой концепт «жизнь» репрезентирован в основном отрицательно-оценочными коннотациями, закрепляющими индивидуально-авторские представления о ней. В произведениях, реализующих концепт «жизнь», поэтесса выступает как активно действующее лицо, как судья, выносящий жизни, в которой нет свободы, справедливости, строгий приговор. Выход — уйти в свой мир, в творчество, «дозорить» до иных времен: *Уединение в груди./ Уединение: уйди/ Жизнь!* («Уединение: уйди в себя...», 1934).

Действительно, у Цветаевой явно доминирует интерпретация жизни как подчинения себя творчеству. Истинная жизнь поэта разворачивается ночью, когда душа освобождается от гнетущего ее быта и условностей дня: *...ночью живя и дыша.* К ключевым атрибутам концепта «жить» можно отнести следующие:

...Жить — пожизненно — без нег!; Жить так, как пишу, образцово и сжато, — / Как Бог повелел и друзья не велят. Для радости, счастья у поэта немного времени. Его удел — мука, боль, тоска: *Люди, поверьте: мы живы тоской!/ Только в тоске мы победы над скукой; ревностью жизнь жива!* Противопоставляя во многих стихотворениях *быт* и *бытие*, Цветаева в конечном итоге «приходит к краеугольной своей проблеме, никогда не покидавшей ее творчество, — к бытию поэтического духа, высшему его назначению» [7, с. 334]. Причем номинация «дух» интерпретируется Цветаевой как нечто возвышенное, дарованное не всем, находящееся *над* обыденностью. Дух как некий посох, помогающий идти по жизни, есть лишь у сильного человека, способного на преодоление испытаний: *Не удрушенный в хламе,/ Снам и дням господин,/ Как отвесное пламя/ Дух — из ранних седин!* («Седые волосы», 1922). Именно дух является жизненным кредо Цветаевой: *Не жалейте! Все сбилось,/ Все в груди слилось и спелось,/ Спелось — как вся даль слилась/ В стонущей трубе окраины./ Господи! Душа сбилась:/ Умысел мой самый тайный* («Золото моих волос», 1922). Душа как высшая мера вещей играет первостепенную роль в шкале морально-этических ценностей не только поэта, но и всего русского народа.

Сама Цветаева в ряде стихотворений показывает, как она хочет жить, и потому номинация «жизнь» сменяется предикатом «жить». Так поэтесса подчеркивает свое понимание жизни как активного действия, что наиболее рельефно проявлено в эготивных коммуникативных моделях. Например: *Я счастлива жить образцово и просто:/ Как солнце — как маятник — как календарь./ Быть светской пустынноцей стройного роста/Премудрой, как всякая божия тварь.* Предикативные конструкции *счастлива жить* и *жить образцово и просто* актуализируют ценностную составляющую концепта «жизнь» в понимании говорящего и эмоциональную доминанту. Предикат «жить» соотнесен у Цветаевой с предикатами *знать*, *быть*, *сбыться*, что интерпретирует признаки концепта жизни как действия, ощущения жизни как вложенного кем-то в разум и душу поэта изначального знания.

Итак, в лирике Цветаевой концепт «жизнь» представлен:

а) через авторские контекстуальные синонимы, слова-интерпретаторы: *каторга, базар, боль, разлука, стих*;

б) через оценочные эпитеты — (жизнь) *молодая, нищая, тесная, лживая*;

в) посредством предикатов: *жить; избывать жизнь; выпасть, заживо гнить меж тел, проноситься; жить без нег; жить образцово и просто; жить тоской*;

г) посредством сопряженных предикатов: *любить, страдать, творить, песню дать, сбыться*;

д) слова-символы: *каторга, дух*.

Конкретизация концепта «жизнь» у Цветаевой находит отражение в ее представлениях о жизни и соотнесена с лирической героиней, помещенной в область актуализации смысловой доминанты. Автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания. Аспекты концептуализации, таким образом, обусловлены, во-первых, объективными законами мироустройства, во-вторых, оценочной позицией автора, его углом зрения на факты действительности. Выдвижение смысла текста и специфика интерпретации концепта обнаруживается в актуализации определенных свойств и признаков объекта, избранных автором в качестве существенных.

В произведениях, интерпретирующих концепт «жизнь», чаще всего реализуются эготивная коммуникативная модель «Я-собственное» в ее разновидности «Я-внутреннее» и Ты-конструкции в эготивно-апеллятивных коммуникативных моделях. М. Цветаева проявляет себя как лицо действующее, занимающее активную жизненную позицию. Частотны инфинитивные предложения, предложения с однородными членами, такие графические средства, как тире, выполняющее акцентно-выделительную и соединительную функции, восклицательный и вопросительные знаки, объективирующие эмотивные смыслы и оформляющие авторско-читательские контакты внутри текста. Номинативные доминанты об-

ладают ярко выраженной коннотацией, актуализирующей ценностные структуры авторского сознания.

Рассмотрим в качестве примера концептуального анализа стихотворение М. Цветаевой «Я счастлива жить образцово и просто...» (1918) и выявим языковые способы интерпретации автором концепта «жизнь».

В тексте частотен предикат «жить», который объективирует понимание жизни автором как активного действия. В первом четверостишии когнитивная структура (КС) «жизнь» вводится посредством когнитивного признака (КП) «обыденное, привычное», вербализованного сравнениями с союзом *как*, находящимися в отношении производности с метафорой и используемыми в качестве способа авторской аргументации, актуализации эмотивных намерений автора, его аксиологических установок: *Я счастлива жить образцово и просто:/ Как солнце — как маятник — как календарь*. Номинации *солнце, маятник, календарь* маркируют, на наш взгляд, КП «мерное течение жизни», интерпретирующий и КС «время», и КС «жизнь». Контекстуально предикат *жить* сопряжен с предикативными конструкциями «*Быть светской пустынноницей стройного роста*» (жить — быть пустынноницей, т. е. отшельницей) и быть «*премудрой, как всякая божья тварь*», объективирующими КП «гордое одиночество», КП «вложенное кем-то изначальное знание» и включенными Цветаевой в качестве интерпретирующих признаков в КС «жизнь». В контексте предикат *жить* соотнесен с предикатом *знать*: *Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!* В результате — жизнь есть жизнь души, нечто высшее, духовное. Ритмическая, графическая и смысловая акцентуация номинации *Дух* (чуть позже — номинации Бог) является репрезентантом КП «духовное» в КС «жизнь». Это жизненный выбор автора, что и подчеркивает семантически значимый повтор местоимения *мой*, его употребление после тире, функционирующего как выделительно-акцентирующее, указывающее на характер отношений между содержательными компонентами в составе смысловых блоков. Оформление высказывания как восклицательной син-

таксической конструкции не только маркирует авторские эмоции, но и «работает на смысл». Дух уподобляется в тексте лучу, взгляду (глаза — зеркало души), он непреклонен и требует образцовой жизни: *Входит без доклада, как луч и как взгляд./ Жить так, как пишу, образцово и сжато, — / Как Бог повелел и друзья не велят.* Таким образом, КС «жизнь» в авторском сознании есть выбор между простым, материальным, привычным, всем понятным и высоким, духовным, требующим отречения от многих земных радостей. Цветаева выбирает второе — Дух. Тогда становится понятной связь в тексте КС «жизнь» с КС «творчество»: для Цветаевой одно обязательно предполагает другое, что и акцентировано союзом *как*, устанавливающим отношения аналогии, ибо то, о чем идет речь, мыслится говорящим совершенно одинаковым: жить — творить, творить — жить. Так повелел Бог.

Стихотворение состоит из двух катренов. Размер — амфибрахий: ударения падают на 2, 5, 8, 11-й слоги. В первой и третьей строках второго катрена ударными являются 1-й и 2-й слоги. Сpondeй служит акцентуации важных в смысловом плане лексем *знать, Дух*. Ритмически выделены все концептуально значимые слова: *жить, писать, солнце, пустыница, пре-*

мудрая, знать, Дух, луч, взгляд, Бог. Частотны ассонансы на «высокий», «светлый» ударный [о], «яркий», «сильный» [а], «сине-лиловый», «мужественный» [у]. Аллитерации преимущественно на «темные» согласные [с], [ж], [ц], [ш] выступают в качестве фонетических маркеров «пустынной», затворнической жизни Поэта, жизни — служения Духу.

Таким образом, концепт «жизнь» интерпретируется М. Цветаевой как выбор между простым, материальным, привычным и высоким, духовным, требующим отречения от многих земных радостей. Цветаева выбирает второе — Дух. Очевидной становится связь в тексте КС «жизнь» с КС «творчество»: для Цветаевой одно обязательно предполагает другое, что и акцентировано союзом *как*, устанавливающим отношения аналогии, ибо то, о чем идет речь, мыслится говорящим как равносущее: жить — творить, творить — жить. Так повелел Бог. Жизнь для Цветаевой — это быть, сбыться. Жизнь есть служение Духу.

Таким образом, неразрывность смысловых, коммуникативных и семиотических стратегий автора доказывает существование общих на уровне конкретного поэтического текста принципов представления автором действительности и самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. *Донская Т. К.* Этнофилологический аспект анализа художественного текста: Анализ текста в вузе и школе: мат. проблемной группы (Санкт-Петербург, 29 января 2007 г.). СПб., 2007. С. 119–126.
3. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–15.
4. *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 940 с.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотип. М.: АЗЪ, 1996. 928 с.
6. *Осипова А. А.* Смерть // *Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина*. Волгоград: Панорама, 2006. Т. 3. С. 364–380.
7. *Саакянц А. А.* Марина Цветаева: страницы жизни и творчества (1910–1922). М.: Сов. писатель, 1986. 352 с.
8. *Цветаева М. И.* Собрание соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с.
9. *Цветаева М. И.* Собрание соч.: в 7 т. Т. 2.: Стихотворения. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 592 с.
10. *Цветаева М. И.* Собрание соч.: в 7 т. Т. 3: Книга 1. Поэмы. Поэмы-сказки. М., 1997. 352 с.
11. *Чернейко Л. О.* Гештальтная структура абстрактного имени // *НДВШ ФН*. 1995. № 4. С. 73–83.

REFERENCES

1. *Vezhbitskaya A.* Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 288 s.
2. *Donskaya T. K.* Etnofilologicheskiy aspekt analiza khudozhestvennogo teksta: Analiz teksta v vuze i shkole: mat. problemnoy gruppy (Sankt-Peterburg, 29 yanvarya 2007 g.). SPb., 2007. S. 119–126.
3. *Karasik V. I.* Kul'turnye dominanty v yazyke // Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty. Volgograd; Arkhangel'sk, 1996. S. 3–15.
4. *Moskvin V. P.* Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar'. Rostov n/D.: Feniks, 2007. 940 s.
5. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy // Rossiyskaya AN; Rossiyskiy fond kul'tury. 3-e izd., stereotip. M.: AZ'', 1996. 928 s.
6. *Osipova A. A.* Smert' // Antologiya kontseptov / pod red. V. I. Karasika, I. A. Sternina. Volgograd: Panorama, 2006. T. 3. S. 364–380.
7. *Saakyants A. A.* Marina Tsvetayeva: stranitsy zhizni i tvorchestva (1910–1922). M.: Sov. pisatel', 1986. 352 s.
8. *Tsvetayeva M. I.* Sobraniye soch.: v 7 t. M.: Ellis Lak, 1994. T. 1. 640 s.
9. *Tsvetayeva M. I.* Sobraniye soch.: v 7 t. T. 2.: Stikhotvoreniya. Perevody. M.: Ellis Lak, 1994. 592 s.
10. *Tsvetayeva M. I.* Sobraniye soch.: v 7 t. T. 3: Kniga 1. Poemy. Poemy-skazki. M., 1997. 352 s.
11. *Cherneyko L. O.* Geshtal'tnaya struktura abstraktnogo imeni // NDVSh FN. 1995. N 4. S. 73–83.